

ИМЯ ВЕЛИКОГО русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина сразу вызывает в нашей памяти страницы его произведений: «Господа Головлевы», «История одного города», «Сказки». Постоянную литературную деятельность сатирик долгие годы сочетал с журналистской, будучи сотрудником редакций «Современника», а затем «Отечественных записок». После смерти Некрасова до закрытия «Отечественных записок» в 1883 году, Салтыков-Щедрин возглавлял этот журнал.

Закрывание прогрессивного издания было для сатирика тяжелейшим ударом. С этого времени он вынужден печататься в журнале «Вестник Европы» и в газете «Русские ведомости», органах далеких от него по направлению. Ухудшается и здоровье писателя. Не имея возможности лечиться за границей, Салтыков-Щедрин вместе со своей семьей снимает на летний сезон 1886 года дачу на Карельском перешейке, в 1,5—2-х верстах от дачи лечившего его известного врача С. П. Боткина.

На выбор места повлияло, прежде всего, соседство с Боткиным. Когда талантливого врача спросили, чем болен Салтыков-Щедрин, тот ответил: «Легче сказать, чем он не болен». Другая причина — мнение о том, что на Карельском перешейке «живительный воздух», что для страдавшего одышкой и кашлем писателя тоже было немаловажным обстоятельством.

Селение, где писатель жил на даче Е. Оболенской, называлась «Новая Кирка». Дача, снятая при участии Боткина, стоила дорого — 500 рублей. Кроме того, для почти ежедневных поездок к врачу, писатель вынужден был держать пару лошадей. С. П. Боткин надеялся на решительную поправку здоровья Салтыкова-Щедрина. Сам писатель вспоминает слова своего врача: «Через месяц, говорит, возьму вас под руку и пойдем на мою горку». Далее Михаил Евграфович пишет: «У

Боткина бываю через день, а он у меня раза два в неделю бывает. Время большей частью в разговорах проходит». Сергей Петрович пробовал лечить своего пациента фосфором, но решающего улучшения не наступило, хотя течение болезни удалось приостановить на какое-то время. На следующий год Салтыков-Щедрин будет вспоминать, что здесь, на Карельском перешейке, он мог хотя и с трудом, ходить по саду и ездить.

Погода в то лето оказалась

совпадением названия — в переводе с французского: «Мой отдыха (отдохновение)». В привычках дворянства и аристократии было давать своим именам французские названия.

Описание быта финского населения, сделанное Салтыковым-Щедриным в «Мелочах жизни», не претендует на глубину и всеобъемность: в ряде случаев писатель просто замечает, что он не знает, предполагает и т. д. Ряд его язвительных замечаний по поводу местного на-

как это видно из следующей короткой зарисовки, с натуры.

«Здешние русские пионеры — люди интеллигентные по преимуществу. Провозят из Петербурга чай, сахар, апельсины, табак и, миновавши терюкскую таможню, крестятся и поверяют друг другу:

— Вы что провезли?

— Папиросы для мужа.

— А я — целую голову са-хара... Угадайте, где она у меня была? Шопот.

— Ах, проказница!».

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН КАРЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН В «НОВОЙ КИРКЕ»

неровной: «...теперь жар невыносимый и все преисполнено гарью», — сообщает писатель в одном из писем. Затем пишет: «Лето здесь плохое: вот уже две недели дуют ветры, которые изнуряют меня, и льют дожди, которые лишают меня воздуха». Не понравилась и дача. «Дача попала худая, сквозная, топим по временам даже теперь. Мы на самом берегу озера, которое гудит день и ночь. Главная особенность: ни одной лишней комнаты, в которой можно было бы поместить гостя, нет. И во всяком углу все слышно, что в других углах делается».

Тем не менее Салтыков-Щедрин, болея и раздражаясь, продолжает работать. Здесь, на Карельском перешейке, он подготавливает отдельные издания «Сказок» и «Пестрых писем». Одновременно Михаил Евграфович начинает работать над новой книгой «Мелочи жизни», где во вступлении дает несколько зарисовок быта населения Карельского перешейка, как русского, так и финского. Более раннее, по времени написания, произведение сатирика «Убежище Монрепо» связано с известным парком в Выборге только

селения современные комментаторы объясняют попросту раздраженным состоянием сатирика. Впрочем не менее, а даже более язвительен сатирик по отношению к дачникам, хлынувшим на Карельский перешеек после проведения железной дороги из Петербурга к Выборгу (1870 г.). В этой язвительности хорошо видно, присущее писателю, чувство неприятия жизни паразитствующих слоев общества того времени.

«Финляндия — это та самая страна, где по свидетельству Пушкина жила злая волшебница Наина и добрый волшебник Финн. Финн долго боролся с Наинной, но потом махнул рукой... Наина осталась одна, и сколько она делает всяких пакостей своему отечеству этого ни в сказке сказать, ни пером описать. Наводит тучи... наполняет страну ветрами... наворачивает камни на камни, зарывает деревни на восемь месяцев в снега и, наконец, в последнее время выслала сюда тьму-тьмущую русских пионеров». Слово «пионер» сатирик употребляет в первоначальном смысле: «освоитель новых земель», «пролагатель новых путей» и т. п., но с явным ироническим оттенком,

Салтыков-Щедрин замечает, что «начиная от Терийок и Выборга, верст на двадцать по побережью Финского залива, нет того ничтожного озера, кругом которого не засели бы русские землевладельцы». Проницательный сатирик заметил, что оседание такого рода русских «пионеров» ничего не меняет в хозяйственно-экономической жизни края: вместо одних владельцев появляются другие.

Находясь на стыке границ двух наций, писатель не впадает в национализм: он открыто подчеркивает положительные качества финского населения. Одновременно сатирик замечает начало классового раскола в финской деревне, доказательством чего служит для него финская песня о пасторе, который увел у крестьянина самого большого теленка.

Несколько страниц беглых зарисовок сатирика — это едва ли не первый портрет части Карельского перешейка в русской художественной прозе. Салтыков-Щедрин как бы открывает им новый раздел в литературной истории местности конца XIX — начала XX века.

С. БЕРНАДСКИЙ